

Глава 16: Расколота скорлупа

Общение с воробьями прошло на удивление гладко.

Воробьи, хоть и не обладали ни острыми когтями кречета, ни его устрашающим видом, оказались на редкость сообразительными.

Шэнь Цзюцзю едва не спросил, не были ли они в прошлой жизни людьми.

Но если одна умная птица — это ошибка при перерождении, то целая стая умных птиц — это уже видовое превосходство.

Однако возникла одна серьёзная и ключевая проблема.

Воробьи вполне могли справиться с задачей слезки, если Шэнь Цзюцзю будет ежедневно обеспечивать их едой. Но для этого им нужно было указать цель.

Даже самые умные птицы, в отличие от Шэнь Цзюцзю, не понимали человеческой речи и не умели читать вывески. Им требовалось чётко опознать цель по запаху.

Поэтому, хорошенько всё обдумав, Шэнь Цзюцзю вновь решил обратиться к своему понимающему птичий язык и добросердечному благодетелю — Пэй Ду.

Договорившись с воробьями о том, что он будет оставлять для них еду в условленном месте, Шэнь Цзюцзю предоставил им сад для пиршества, а сам вприпрыжку покатился обратно в кабинет Пэй Ду.

Когда Шэнь Цзюцзю торопился, его скачущие движения сглаживались, и со стороны казалось, будто катится пушистый комочек, за которым тянется хвостик-метёлочка.

Пэй Ду знаком велел слуге удалиться и, взяв Шэнь Цзюцзю салфеткой, поставил его на стол.

Птенец привычно вытер салфеткой щёки и клюв, потёрся о неё спинкой и брюшком, а затем, тщательно очистив лапки, чинно уселся на пресс-папье из белого нефрита.

— Цзю!

Всем своим видом он показывал, что у него есть важное дело.

Пэй Ду, уловив сигнал, отложил кисть и терпеливо спросил:

— Что такое?

— Цзю-цзю-цзю-цзю-цзю-цзю...

Прочитав длинную тираду, Шэнь Цзюцзю спохватился: Пэй Ду, хоть и прекрасно его понимал, всё же не владел птичьим языком в совершенстве. Такое щебетание он точно не разберёт.

Птенец, стоя на пресс-папье, на мгновение задумался. Затем он расправил крылья, начертив в воздухе небольшой круг, и, убедившись, что Пэй Ду смотрит, под ним нарисовал ещё один.

Как и ожидалось, Пэй Ду, к восторгу птенца, узнал в этих фигурах яблоко в карамели.

— Хочешь погулять?

Шэнь Цзюцзю энергично закивал.

— Цзю-цзю!

Он собирался не гулять, а вершить великие дела.

Прочирикав, он потряс золотой цепочкой, которую снова надел на шею после сна, сдвинул брови и, оскалив клюв, изобразил величайший птичий гнев.

— ...Хочешь узнать, когда придёт Цзымин?

— Цзю-цзю-цзю-цзю!

Не будь у него крыльев, Шэнь Цзюцзю непременно показал бы Пэй Ду большой палец. Кто ещё, кроме его благодетеля, мог так блестяще разгадывать птичьи ребусы!

Пэй Ду, не спрашивая, зачем ему понадобился Суй Цзымин, немного подумал и ответил:

— Хорошо, через несколько дней я попрошу Цзымина взять тебя на прогулку.

Он рассудил, что так будет лучше, чем если они, не понимая друг друга, разнесут его кабинет.

— Цзю!

Шэнь Цзюцзю, стоявший на пресс-папье, резко подпрыгнул на месте, взмахнул крыльями и рванулся вперёд, едва не врезавшись в подставку для кистей.

Всем своим видом он показывал, что ждать несколько дней он не намерен.

Птенец очень торопился!

— Боюсь, в ближайшие дни он будет занят.

Пэй Ду убрал руку, которой преградил ему путь, и, вернув птенца на пресс-папье, спокойно ответил.

Он всегда был таким — невозмутимым, уравновешенным, словно ничто в мире не могло вывести его из себя или заставить поддаться эмоциям.

Шэнь Цзюцзю в отчаянии принялся покусывать кончики крыльев, пытаясь придумать причину, которая заставила бы Пэй Ду пойти ему навстречу.

И тут Пэй Ду внезапно произнёс:

— Синэнь.

В этот миг все движения и мысли Шэнь Цзюцзю замерли. Очнувшись от оцепенения, он лишь растерянно посмотрел на Пэй Ду.

...Что?

— У тебя ведь ещё нет второго имени? — Пэй Ду сцепил руки на столе, принимая позу, располагающую к равноправному разговору, а не к общению с ручным питомцем. — Могу я так

тебя называть?

Шэнь Цзюцзю долго молчал. Сначала он слегка покачал головой, отвечая на первую часть вопроса, затем неуверенно кивнул и, наконец, снова посмотрел на Пэй Ду и опять покачал головой.

На самом деле, Пэй Ду мог называть его как угодно.

Но, если смотреть правде в глаза, он был всего лишь птицей с воспоминаниями Шэнь Синэня. В нём не осталось ничего человеческого... так можно ли его считать Шэнь Синэнем?

Птенец понуро опустил голову. Его лапки, упиравшиеся в край пресс-папье, со скрипом царапнули белый нефрит.

— Синэнь, в этом мире люди отличаются от прочих созданий не телесной оболочкой, а ясностью мысли, следованием ритуалам и учтивости, умением выражать себя через письмо.

Пэй Ду медленно развернул недописанное эссе, а рядом разложил листки с иероглифами, которые птенец выводил для общения.

— Перерождение — вещь загадочная, но, возможно, именно потому, что жизнь Шэнь Синэня не должна была оборваться, потому что в его сердце осталась незавершённая, и появилась на свет эта птица, способная мыслить и писать.

— Быть человеком или птицей — зависит лишь от твоего внутреннего выбора.

Мягкая улыбка Пэй Ду таила в себе огромную силу, она словно вела за собой душу Шэнь Цзюцзю, которая с момента перерождения бесцельно блуждала в этом знакомом и чужом мире, не находя себе места.

— Ты — умный Шэнь Синэнь, и ты — свободная птица.

— Не бойся.

Шэнь Синэнь был одарённым юношей, а Шэнь Цзюцзю — сообразительным птенцом, но он не хотел углубляться в эту тему. Притворившись, что ничего не понял, он склонил голову набок и мило пискнул.

Заметив, что Пэй Ду, кажется, хотел сказать что-то ещё, он легонько коснулся клювом его пальца, намекая на смену темы.

Пэй Ду, конечно, почувствовал его уклонение. Помолчав мгновение, он не стал настаивать и откровенно рассказал птенцу о своей болезни, в том числе и о том, как тот на него влияет.

В сущности, о недуге Пэй Ду было известно всем при дворе, так что это не было секретом. Тайной было лишь чудесное воздействие Шэнь Цзюцзю.

Возможность помочь Пэй Ду наполнила птенца небывалой радостью!

Он взволнованно подпрыгнул и уже открыл было клюв, чтобы запищать, но Пэй Ду мягко, но твёрдо... зажал его.

Шэнь Цзюцзю, которому принудительно отключили звук, недоумённо моргнул.

— ?

Пэй Ду легонько коснулся его клюва и со вздохом произнёс:

— Какой же ты глупыш.

— Синэнь, когда я спас тебя из воды, это был лишь мимолётный поступок. Ты же, помня о нём, хочешь отплатить — это говорит о твоей доброте и верности.

— Но если ты согласишься помочь мне с лечением, тебе придётся быть рядом со мной — быть может, несколько дней, быть может, год, а быть может, и всю нашу жизнь. Для тебя это огромная жертва.

— Эти два долга несоизмеримы.

Шэнь Цзюцзю растерянно посмотрел на него.

— ?

Разве спасение жизни можно делить на разовое и долгосрочное?

Разве так говорят?

Что-то здесь было не так.

— Синэнь, ты выжил не для того, чтобы отплатить мне, — Пэй Ду посмотрел на птенца взглядом, в котором отражался мягкий свет луны. — Ты — Шэнь Синэнь.

Шэнь Цзюцзю, стоявший на пресс-папье, медленно опустился, поджав под себя лапки, и замер, не издав ни звука.

Пальцы Пэй Ду скользнули по листу бумаги, где птенец в первые дни выводил свои каракули, затем по недописанному эссе, и он без труда разглядел за этим молчанием упрямство истинного книжника.

Почерк отражает характер и жизненный путь человека. Не имея возможности держать кисть, Шэнь Цзюцзю не мог писать, как Шэнь Синэнь, но и не позволял себе выводить кривые, небрежные иероглифы.

Более того... это эссе для столичных экзаменов было последним, что Шэнь Синэнь оставил в этом мире под своим именем.

Поэтому, зная, каким длинным будет текст, он, сжав волю в кулак, выводил иероглиф за иероглифом. Почерк его не отличался изяществом, но каждая черта была ровной и аккуратной.

Для птицы это было невероятно сложно.

И хотя Шэнь Цзюцзю обычно казался весёлым и беззаботным пушистым комочком, внутри него таились скрытые от посторонних глаз выдержка и упорство.

Упорство человека, книжника.

Пэй Ду не имел опыта в утешении младших. Он уже раздумывал, что бы такое сказать, как

вдруг комочек на пресс-папье сорвался с места и со всей силы врезался в его ладонь, тут же зарываясь в рукав.

Пэй Ду не сразу понял, что произошло, а когда спохватился, было уже поздно — он первым ощутил, как рукав в том месте, где в него зарылся птенец, становится тёплым и влажным.

Помолчав, Пэй Ду больше ничего не говорил, лишь молча позволял птенцу прятаться в своём рукаве и беззвучно плакать.

Шэнь Цзюцзю не ожидал, что Пэй Ду разгадает его сокровенные мысли.

Вернее, он не ожидал, что Пэй Ду не только разгадает их, но и отнесётся к ним с уважением и пониманием, и даже попытается направить его, убеждая не скрывать своего упорства.

Осознав, что переродился в бесполезную игрушку, Шэнь Цзюцзю не хотел жить.

Прожив две жизни, он, конечно, обладал чувством собственного достоинства.

Лишь по воле случая попав к Пэй Ду, он вспомнил о сожалениях своей человеческой жизни, и это пробудило в нём волю к существованию.

Он так отчаянно стремился отплатить за доброту не только из благодарности, но и потому, что это было единственным доказательством того, что он когда-то был человеком. Он хотел, чтобы от Шэнь Синэня остался хоть какой-то след, достойный памяти.

Шэнь Цзюцзю не собирался плакать.

Он не ребёнок, и плакать было не о чем. Что случилось, то случилось, он выжил, и горевать было поздно.

Но в прошлой жизни он был сиротой, с трудом пробившим себе дорогу в университет.

В этой — холодность отца, отторжение мира, давление сюжета тяжким грузом легли на плечи Шэнь Синэня.

Он не мог заводить друзей, не мог никому поведать о своих бедах, и каждый вздох отдавался тупой болью в сердце.

Он мог лишь безвылазно сидеть дома, учиться, сдавать экзамены, пробиваться в чиновники, чтобы получить власть и изменить предначертанное. Но тогда, несмотря на все трудности, Шэнь Синэнь не чувствовал себя несчастным.

Он был даже благодарен за это перерождение, потому что познал то, чего был лишён в прошлой жизни, — материнскую любовь. У него была своя, самая лучшая на свете мать.

Зная, что дом князя-защитника — это трясына, в которую ему придётся ступить в одиночку, Шэнь Синэнь не плакал.

— Этот дом хоть и был на грани разорения, но такое происхождение давало больше шансов выбиться в люди, чем у выходца из бедной семьи.

Зная, что отец не испытывает к нему никаких чувств, но всё же тая в душе надежду и поддаваясь редким похвалам, а затем будучи вновь отвергнутым, Шэнь Синэнь не плакал.

— Он говорил себе, что это к лучшему — так он окончательно избавился от детских иллюзий.

Несмотря на всю свою осторожность и недоверие к мачехе и её сыну, он, неискушённый в дворцовых интригах и не представлявший всей глубины человеческой жестокости, всё же попал в ловушку и оказался в заточении, но и тогда Шэнь Синэнь не плакал.

— Не разглядел людей, не хватило хитрости — сам виноват, возомнил о себе слишком много, раз попал в книгу.

Во всём, что с ним случилось, винить было некого, кроме самого себя. Прожив две жизни, он так и не научился видеть опасности этого мира и сложность человеческой природы.

Шэнь Синэнь умер, это было в прошлом.

Шэнь Цзюцзю считал, что смирился, убеждал себя не оглядываться, не жалеть, не сетовать.

Он теперь всего лишь птица, что толку от сожалений?

Он много раз представлял, как расскажет Пэй Ду о себе.

Даже репетировал в мыслях.

Он думал, что будет смущённо, но с гордостью стоять рядом со своим эссе и громко чирикать, излагая свои мысли, чтобы доказать, каким незаурядным был Шэнь Синэнь, чтобы оставить в памяти своего благодетеля хоть какой-то след.

Но когда Пэй Ду произнёс его имя, вся невысказанная обида, горечь, негодование, сжатые в огромный, тугой ком, вдруг лопнули, и хлынули горячими слезами, которые он не мог сдержать.

Он ведь так старался, так отчаянно боролся за жизнь.

Он сделал всё, что было в его силах, так почему — почему?

Почему он был обречён на одиночество, на разлуку с близкими, на раннюю смерть?

Разве он был недостаточно хорош?

Недостаточно умён?

Что... что он сделал не так?

Шэнь Цзюцзю не знал, как долго он плакал. Когда он наконец смущённо высунул голову из рукава Пэй Ду, тот был уже насквозь мокрым.

Пэй Ду читал какой-то документ. Заметив боковым зрением показавшуюся из рукава головку, он отложил бумаги, взял чашу с водой и поднёс к клюву птенца.

Шэнь Цзюцзю, немного поколебавшись, жадно припал к воде.

Он пил так торопливо, что несколько капель брызнули на грудку, оставив на пушистых перьях тёмные пятнышки.

Напившись, он прижался к руке Пэй Ду и, подняв голову, пискнул.

Этот писк ничего не означал, ему просто захотелось издать звук.

Пэй Ду улыбнулся и в ответ на его чириканье сказал:

— Синэнь, будь смелее. Позволь себе толику эгоизма.

— Сейчас это я прошу тебя о помощи, и чтобы излечиться, я готов исполнить любую твою просьбу.

— Мир, в котором мы живём, далёк от совершенства. Власть, положение, выгода — всё это пожирает людей.

— Поэтому можно быть добрым, но нельзя быть беззащитным.

— Ты, конечно, можешь стремиться исполнить свой долг, защитить тех, кто тебе дорог. Но прежде чем твои ветви окрепнут и смогут дать тень другим, ты должен не отдавать долги и не жертвовать собой, а впитывать любую влагу, что поможет тебе расти, крепнуть и оттачивать свои шипы.

Пэй Ду опустил взгляд на Шэнь Цзюцзю, и казалось, что он смотрит сквозь пушистое тельце, прямо в его наивную и чистую душу.

— Синэнь, спроси своё сердце.

— Чего ты желаешь от меня на самом деле?

— И какой путь ты хочешь избрать?

<http://bllate.org/book/13669/1210579>